

Формирование «диссертационной ловушки»

¹ См. Т. Р. Калимулин. Российский рынок диссертационных услуг. — «Экономическая социология». 2005. №№ 4, 5; его же. Рынок черных диссертаций. — «Платное образование». 2006. № 3(41); Е. В. Балацкий. Ценовые механизмы эволюции институциональных ловушек. — «Общество и экономика». 2005. № 10—11.

Продвижение России по пути рыночных преобразований на каждом очередном временном витке реформ порождает свои специфические экономические и социальные аномалии. Одной из таких аномалий явилась так называемая диссертационная ловушка, под которой понимается процесс купли-продажи ученых степеней и званий на соответствующем «теневом» рынке. Данное явление уже признано в качестве реального факта российской действительности и в некоторых работах называется рынком диссертационных услуг¹. На сегодняшний день многие аспекты

возникновения и функционирования «диссертационной ловушки» достаточно подробно изучены и осмыслены, однако целый ряд вопросов в этой области по-прежнему остается открытым. В настоящей статье мы рассмотрим социокультурные особенности данного экзотического явления.

Масштабы явления

² См. Т. Р. Калимулин. Российский рынок диссертационных услуг.

Сейчас имеются достоверные данные относительно того, что купля-продажа ученых степеней имеет место не только в России, но и в развитых странах мира². Это позво-

ляет некоторым исследователям утверждать, что «диссертационная ловушка» не является чисто российским феноменом, но она имеет интернациональный характер. Однако, на наш взгляд, здесь не верно расставлены акценты. Дело в том, что купля-продажа ученых степеней и званий имеет место во многих, если не во всех странах. Однако важно не само наличие данного явления, а его

БАЛАЦКИЙ Евгений Всеволодович — вице-директор по внешним связям Института государственного и муниципального управления Государственного университета управления, профессор, доктор экономических наук.

Данная статья является продолжением разговора об институциональных коллизиях в российской экономике (см. Е. Балацкий. «Диссертационная ловушка». — «Свободная мысль — XXI». 2005. № 2; его же. Институциональные конфликты в сфере высшего образования. — «Свободная мысль — XXI». 2005. № 11).

масштабы. С этой точки зрения феномен российской «диссертационной ловушки» является уникальным, так как именно в России он приобрел поистине *массовый* характер, в то время как в развитых странах мира — это редкое *исключение* из правила. Так, например, в США имелись и имеются университеты, которые «специализируются» на выдаче бракованных дипломов, однако число таких университетов невелико; незначительна в США и относительная масса бракованных докторов наук. В России же, по самой приблизительной экспертной оценке автора, доля «липовых» диссертаций в подавляющем большинстве ученых советов по социальным дисциплинам колеблется в районе 50 процентов всех защищаемых работ. Можно даже утверждать, что отсутствие «проплаченных» диссертационных работ привело бы к полному застою многих российских диссертационных советов. Для России исключением из правила является другое — отсутствие хотя бы частичной вовлеченности диссертационного совета в процесс коммерциализации диссертационных услуг.

Таким образом, Россия периода экономических реформ сгенерировала феномен «диссертационной ловушки», который по своим масштабам и циничности представляет поистине уникальное явление для цивилизованного мира. Широкая степень распространенности процесса купли-продажи ученых степеней и званий привела к тому, что официальная норма (самостоятельное написание диссертации) постепенно вытесняется своей противоположностью — отклонением от нормы (покупкой диссертации). Такое положение вещей проявляется и в отношении простого населения к этому явлению. Например, у российских граждан заявление о том, что кто-то купил ученую степень, уже не вызывает ни удивления, ни раздражения. Фактически, люди к этому стали относиться, как к нормальному, обыденному явлению. Между тем у представителей западноевропейских стран такая информация вызывает откровенное удивление*.

Не будет ошибкой и утверждение, что «диссертационная ловушка» является уникальным явлением и для самой России. В противовес данному мнению некоторые исследователи полагают, что существующий сегодня феномен берет свое начало в практике научного сообщества бывшего Советского Союза. Однако и здесь, на наш взгляд, не верно проставлены акценты: в СССР подобным «теневым» инструментом пользовались лишь отдельные «боссы», обладающие очень большим административным ресурсом (директора крупных институтов, ректоры вузов, партийные лидеры и т. п.), в то время как в сегодняшней России им может воспользоваться практически любой человек, имеющий нужную и по нынешним временам не очень большую сумму денег. В настоящее время покупку ученой степени себе может позволить даже обычный молодой человек, числящийся в аспирантуре, работающий в коммерческой структуре и имеющий приличный заработок. Ничего подобного в бывшем СССР не было. Это лишний раз свидетельствует о возросшем масштабе явления и его перерастании в массовый артефакт.

* Типичный пример: голландец, которому автор сообщил о существующей в России практике покупки диссертаций и ученых степеней, отреагировал многократным повторением фразы «Это странно!».

Проблема укорененности: межстрановой аспект

Возникновение «диссертационной ловушки» с «российским лицом» само по себе требует серьезного осмысления. Почему это явление возникло в России и не возникло, например, в США, Франции или Великобритании?

Вполне резонно предположить, что в России были какие-то особые социальные условия, которые способствовали формированию «теневого» рынка диссертаций. Однако даже поверхностный анализ опровергает данный тезис. Дело в том, что в России ученые степени и звания никогда не имели и до сих пор не имеют такого общественного признания, как в западных странах. Например, в США и Европе само наличие докторской степени переводит человека на качественно иную ступень социальной иерархии. Обращение к человеку, имеющему докторскую степень, требует *обязательной артикуляции* этого факта. Иными словами, к человеку, не имеющему ученой степени, обращаются в традиционно официальной форме (например, мистер Джонс), в то время как к человеку, имеющему ученую степень, обращаются в подчеркнуто вежливой форме (например, доктор Джонс). Подобное обращение к представителям науки является обязательным, и человек, нарушающий данное правило, автоматически попадает в число маргиналов с низким уровнем культуры. Отношение к таким нарушителям неформальных вербальных норм со стороны рядовых членов общества является крайне неприязненным*.

Аналогичная и даже усиленная норма артикуляции действует в западных странах в отношении профессуры: к человеку, занимающему должность профессора университета или имеющему профессорское звание, обращаются либо по фамилии с *обязательным аудированием* его принадлежности к профессорскому сословию (например, профессор Джонс) либо просто ограничиваются соответствующей приставкой (профессор).

В России же подобные нормы не действуют. Человек, получивший степень кандидата или доктора наук и указавший данный факт на визитке, не может претендовать на особое уважительное обращение со стороны членов общества. Грубо говоря, как он был Иваном Ивановичем, так он и останется Иваном Ивановичем — независимо от того, имеет он ученую степень или нет. Члены российского социума, как правило, индифферентны к научным атрибутам человека. Более того, во многих случаях наличие ученой степени специально *умалчивается и не вербализуется*. Ярким примером тому служат опубликованные в нашей стране биографии известных ученых. Так, биографическая книга о Зигмунде Фрейте, написанная Полом Феррисом, в оригинале имеет название «Доктор Фрейд» («Dr. Freud»), в то время как в русском переводе степень доктора исчезает, и книга называется более нейтрально — «Зигмунд Фрейд»³. Аналогичным образом биография «отца современной физической оптики» Роберта Вуда,

³ См. П. Феррис. Зигмунд Фрейд. Мн., ООО «Попурри», 2001.

* На всякий случай поясним, что речь идет об официальных контактах людей, а не о приятельском общении соседей или старых друзей.

написанная Вильямом Сибруком, в оригинале имеет название «Доктор Вуд» («Doctor Wood»), в то время как в русском переводе степень доктора опять-таки исчезает, и книга выходит под опрIMITивленным названием «Роберт Вуд»⁴. Разумеется, таких примеров можно привести бесконечно много.

⁴ См. В. Сибрук. Роберт Вуд: Современный чародей физической лаборатории. М., «Наука», 1985.

На первый взгляд в приведенных примерах мы имеем дело всего лишь с адаптированным переводом на русский язык, однако при более пристальном изучении вопроса несложно видеть, что речь идет о глубоких культурных различиях в отношении к науке и к ученым. Кстати сказать, нивелирование докторской степени в книге В. Сибрука «Роберт Вуд» датируется периодом существования СССР (1985), а в книге П. Ферриса «Зигмунд Фрейд» — периодом современной России (2001). Следовательно, генеральная линия в восприятии ученой степени доктора наук не нарушилась даже при трансформации Советского Союза в капиталистическую Россию.

Таким образом, западная модель восприятия ученой степени базируется на глубокой укорененности ее высокого социального статуса и подкрепляется стройной системой артикулирования данного факта, в то время как российская модель такой укорененности нигде не фиксирует.

Выявленное различие в западной и российской моделях социализации ученой степени подводит к пониманию того, что именно на Западе имеются серьезные социальные предпосылки для гипертрофированного стремления к ее получению. Было бы не удивительно, если бы «диссертационная ловушка» приобрела наибольшее распространение в США. Если же учесть, что в США сосредоточена основная масса богатейших людей мира, способных заплатить почти любые деньги за постоянное озвучивание уважительного отношения к себе, то кажется вполне естественным формирование «американского лица» «диссертационной ловушки». Однако этого не происходит. «Диссертационная ловушка» как некая специфическая норма прижилась именно в России, а не в США. Внешне данный факт выглядит как парадокс. Каковы же его корни?

Проблема укорененности: исторический аспект

На наш взгляд, вполне справедливо предположить, что генезис «диссертационной ловушки» в России можно расшифровать через исторический анализ укорененности высокого статуса ученых степеней. Однако эта линия анализа, как ни странно, приводит к пониманию, что и в этом направлении у России меньше было шансов для вступления на «теневой» рынок диссертаций.

Дело в том, что российская система ученых степеней не совпадала и пока не совпадает с западной, само существование которой неразрывно связано с университетской системой. Наличие в России одноуровневой системы специалистов с высшим образованием и двухуровневой системы ученых степеней в виде кандидата и доктора наук совершенно не совпадает с западной, для которой характерна двухуровневая система специалистов с высшим образованием

в виде бакалавров и магистров и одноуровневая система ученых степеней в виде доктора философии. Что это означает с точки зрения проблемы укорененности?

Во-первых, история существования западной системы ученых степеней гораздо богаче истории российских степеней. Это связано с тем, что западная система непосредственно опирается на многовековую историю европейских университетов и чрезвычайно высокий статус последних. История же нынешних российских степеней кандидата и доктора наук не достигает даже 90 лет, а этого явно недостаточно для того, чтобы в сознании населения на *генетическом* уровне, как это произошло в Европе, укоренилась идея высокой ценности ученой степени. Например, совокупная история гратификации ученых степеней в России насчитывает никак не более 250 лет, так как первые ученые степени российским исследователям были присуждены лишь в 1765 году, а на законодательном уровне они были закреплены Указом «Об устройстве училищ» (1803). Некоторые ис-

⁵ См. Т. Р. Калимулин. Российский рынок диссертационных услуг.

следователи отмечают, что институт защиты диссертаций в дореволюционной России до конца так и не утвердился; период же с 1917-го до середины 1930-х характеризовался почти полным отсутствием гратификационной структуры⁵.

Во-вторых, западная система ученых степеней всегда была и остается *универсальной*, действующей практически во всем цивилизованном мире, в отличие от российской системы, которая даже в лучшие годы была распространена только в социалистических странах. Традиции международной конвертации докторской степени западного образца опять-таки связаны с ролью европейских университетов, которые изначально были направлены на распространение универсального католического учения (богословия). Православная ориентация России привела к тому, что она выпала из европейской университетской системы и пошла своим путем. Достаточно вспомнить, что первый университет в России был основан по инициативе государства в лице императрицы спустя несколько веков после появления первых европейских университетов*.

В-третьих, старые традиции европейских университетов заложили мощную основу *повышенного уважения и пиетета* к докторам наук со стороны простого населения. Достаточно вспомнить, что для присвоения степени доктора Сорбон-

⁶ См. А. Р. Андреев. Гений Франции, или Жизнь кардинала Ришелье. Документальное историческое исследование. — А. П. Ришелье. Политическое завещание. М., «Белый волк». 1999. С. 211.

ны помимо всего прочего соискателю необходимо было пройти своеобразную экзекуцию-диспут: с 6 часов утра до 6 часов вечера он подвергался «нападению» 12 диспутантов-докторов, которые сменялись каждые полчаса; сам же соискатель за все 12 часов диспута не имел права ни есть, ни пить. Выдержавший испытание становился доктором богословия⁶.

* Иногда и в западных странах происходили подобные явления. Например, старейший ирландский университет, Тринити-колледж, был основан в 1592 году указом английской королевы Елизаветы I. Однако земли монастыря Всех святых новому университету подарила корпорация города Дублина. В любом случае государственная инициатива в отношении университетов для Запада скорее исключение, нежели правило (см. О. Гусакова. За драгоценными знаниями — на изумрудный остров. — «Платное образование». 2006. № 3(41). С. 55).

При таких традициях носитель докторской степени простым населением воспринимался безо всякого преувеличения в качестве своеобразного супермена, на 2—3 порядка превосходившего обычного крестьянина или горожанина. По-видимому, такая система и привела к широчайшей манифестации ученой степени. В связи с этим весьма симптоматичной является история легендарного Фауста, который, заключив сделку с Мефистофелем, подписал кровью договор следующим образом: «Иоганн Фауст, доктор богословия»⁷. В России ученая степень никогда не была овеяна таким ореолом всеобщего восхищения и уважения.

⁷ См. И. Шпис. Легенда о докторе Иоганне Фаусте. — Э. Распе и др. Приключения барона Мюнхгаузена: Сказки. М., «ЭКМО-Пресс». 2000. С 431.

В дополнение к сказанному можно отметить, что высокий статус университетской докторской степени на Западе базировался еще и на особом статусе самих университетов, каждый из которых выступал в качестве своеобразных «государства в государстве». Например, даже в современной Франции действует формальное правило, в соответствии с которым полиция не может войти в здание университета без разрешения ректора⁸. Хотя это правило часто нарушается, само его наличие говорит о силе университетов и университетских традиций, в том числе и в отношении ученых степеней.

⁸ См. В. Вахштайн. Французская интифада в цепи поколений. — «Платное образование». 2005. № 12(38). С. 7.

В-четвертых, западные дипломы доктора наук по сравнению с российскими сертификатами имеют более высокую *именную стабильность*. Это опять-таки связано с университетскими традициями западной системы, где диплом доктора выдается конкретным университетом, а сами университеты являются, можно сказать, вечными структурами, которые практически никогда не расформируются и не меняют названия. Грубо говоря, докторский диплом Гарварда, Оксфорда или Сорбонны говорит сам за себя и не требует никаких комментариев. В России все обстоит иначе. Так, диплом кандидата наук выдается Высшей аттестационной комиссией с указанием организации, в которой прошла защита диссертации. Однако в настоящее время многие «старые» научно-исследовательские институты и вузы страны либо исчезли, либо радикально поменяли свои названия. Идентифицировать место защиты держателя диплома становится порой весьма непросто*. Докторские же дипломы в России выдаются центральной бюрократической структурой — Высшей аттестационной комиссией, которая также время от времени меняет свое название и статус**. Кроме того,

* Например, кандидатский диплом автора связан с Научно-исследовательским экономическим институтом, который сейчас имеет совершенно другое название: Институт макроэкономических исследований. Для непосвященных это разные организации, и, следовательно, статус подобного диплома вполне правомерно поставить под сомнение. Кроме того, данный диплом выдан Высшей аттестационной комиссией при Совете Министров СССР, которых тоже уже не существует.

** Так, докторский диплом автора выдан был Высшим аттестационным комитетом страны, который представлял собой самостоятельную структуру. Сейчас он преобразован в Высшую аттестационную комиссию Министерства науки и образования РФ. Таким образом, статус такого диплома тоже становится весьма условным. Профессорский диплом автора выдан Высшей аттестационной комиссией Министерства образования РФ, однако данное министерство преобразовано в Министерство науки и образования РФ, что также привносит определенные искажения в понимание истинного статуса диплома.

российский докторский диплом является как бы безмяннным, ибо формально он совершенно не связан с организацией, где прошла защита диссертации (по крайней мере, из самого диплома этого не видно). Еще более странной является российская система присуждения ученых званий доцента и профессора. Так, ученое звание профессора можно получить по специальности, и его выдает Высшая аттестационная комиссия Министерства образования и науки РФ без указания организации, по ходатайству которой выдан диплом (аттестат). Можно получить ученое звание профессора и по кафедре, на которой работает человек. Тогда в дипломе (аттестате) вместо специальности, перечень которых строго регламентирован, указывается название кафедры; но организация, где эта кафедра находится, по-прежнему не указывается. Таким образом, человек становится обладателем диплома по абстрактной кафедре неизвестного вуза. Такая безмяннность российских дипломов и нестабильность организаций, их выдающих, ведет к занижению ценности самих дипломов и ученых степеней России по сравнению с их западными аналогами.

В-пятых, сегодня Россия находится в *переходном* состоянии, так как в 2008 году должно вступить в действие Болонское соглашение и отечественные ученые степени будут преобразованы под существующие западные стандарты. В настоящее время еще не ясно, как именно будет проведена конвертация нынешних российских ученых степеней в западные степени, но то, что такое преобразование рано или поздно произойдет, сомневаться не приходится. Уже сейчас совершенно очевидно, что, как бы эта конвертация не происходила, все равно либо нынешние кандидаты наук, либо нынешние доктора наук пострадают и потеряют в своем статусе (либо нынешних кандидатов приравняют к докторам западного типа, либо к ним приравняют только нынешних докторов). Уже один этот факт должен был бы резко понизить желание состоятельных граждан платить звонкой монетой (как правило, в конвертируемой валюте) за получение сомнительного, неконвертируемого диплома. Казалось бы, накануне «встряски» всей системы ученых степеней имеет смысл затаиться и выждать, однако этого не происходит: богатые бизнесмены и чиновники продолжают предъявлять повышенный спрос на все виды ученых степеней.

Рассмотренные исторические особенности системы ученых степеней России и Запада недвусмысленно свидетельствуют о преимуществе Запада. В этом смысле западная модель ученых степеней обладает большим потенциалом для возникновения «теневого» рынка диссертационных услуг. Однако это опять-таки противоречит эмпирическим наблюдениям. Следовательно, в России есть что-то еще, чего нет на Западе. Или наоборот: в России отсутствует что-то такое, что есть на Западе. Что же это?

Парадокс насыщения

Есть один аспект, который на первый взгляд мог бы объяснить феномен отторжения «диссертационной ловушки» западными странами. Дело в том, что,

как показывает статистика, степень насыщенности российского рынка специалистами с ученой степенью на порядок, а то и на два ниже, чем в развитых западных странах. Так, отношение числа аспирантов к числу студентов в России в 2002 году составляло 0,3 процента, в то время как в этот же период отношение числа докторантов к числу студентов в США достигало 2,1, в Великобритании — 9, а во Франции — 12 процентов⁹. Несложно заметить, что на душу каждого студента в России приходится в 40 раз меньше претендентов на ученую степень, чем во Франции. Может быть, именно с этим фактом связан повышенный спрос в России на ученые степени?

⁹ См. Б. Железов. Российский Ph.D: быть или не быть? — «Платное образование». 2005. № 12(38). С. 14.

Не исключено, что названный фактор дефицита действительно играет определенную роль в формировании «диссертационной ловушки», однако сам по себе он опять-таки не смог бы породить столь специфичный и обширный рынок «черных» диссертаций. Кроме того, данный факт приходит в противоречие с другим фактом — более высоким престижем докторской степени в западных странах по сравнению с Россией. Если уж западные рынки труда насыщены, а, может быть, даже и переполнены, специалистами с ученой степенью, то и сам институт ученой степени в этих странах должен был бы девальвироваться. Однако этого не происходит. Это еще один парадокс, который не совсем вписывается в общую картину изучаемого явления.

Специфика российского рынка диссертаций

Прежде чем дать объяснение того, почему в России возник феномен «диссертационной ловушки», рассмотрим некоторые существенные характеристики участников процесса получения ученых степеней.

Допустив, что покупка диссертации и ученой степени является обычной экономической сделкой, вполне логично предположить, что покупатель данного товара должен иметь хотя бы примерное представление о товаре, который он хочет приобрести и за который готов заплатить. Однако эта простая гипотеза на практике выполняется далеко не всегда. Так, контакты с претендентами на ученую степень кандидата наук показали два удивительных факта.

Во-первых, многие аспиранты, которые в силу своего статуса должны работать над диссертацией, готовы «нанять» человека для ее написания за смехотворную цену (например за 500 долларов США*).

Во-вторых, многие аспиранты, воспользовавшиеся помощью «профессионалов», искренне считают, что кандидатскую диссертацию можно написать в кратчайшие сроки (например за один месяц**).

Данные факты недвусмысленно свидетельствуют, что сегодняшние участники диссертационного рынка совершенно не понимают того, за что сами готовы платить. Они не понимают ни масштабов работы над диссертацией, ни тру-

* В свое время автору было сделано три подобных предложения в данном ценовом коридоре.

** Автор лично сталкивался с такими респондентами.

доемкости этого процесса, ни требований, предъявляемых к диссертационным работам. Похоже, что многие из них полагают, будто диссертация — это некий аналог студенческой курсовой работы, только немного большего объема. Учитывая, что курсовые работы сегодняшними студентами пишутся путем примитивной компиляции материалов из Интернет-сети, то и диссертация, по мнению многих аспирантов, тоже может быть быстро «слеплена» с помощью информационных ресурсов Интернета. Заметим, что подобную неосведомленность относительно диссертационного продукта демонстрируют не простые обыватели (фермеры и рабочие), далекие от научной сферы деятельности, а сами аспиранты, которые являются инсайдерами, находящимися «внутри» научной индустрии. Можно смело утверждать, что подобная *некомпетентность* по вопросам написания и защиты диссертации со стороны тех, кто этим непосредственно занимается, является чисто российским явлением. Действительно, довольно трудно предположить, чтобы соискатель докторской степени на Западе совершенно не знал, что такое докторская диссертация.

Рассмотренный факт «научного инфантилизма» российских соискателей ученых степеней никак не может вести к росту престижа этих степеней. Однако, как показывает опыт, он и не разрушает сложившийся общественный престиж. Это еще один парадокс, нуждающийся в объяснении с общесистемных позиций.

Есть и еще один факт, который может быть отнесен к разряду чисто российских. В настоящее время в широких слоях населения наблюдается почти полное *непонимание* существующих научных институтов. Например, разницу в ученой степени, ученом звании и должности понимают очень немногие люди. Так, различия между кандидатом наук, доктором наук, доцентом, профессором, старшим, ведущим и главным научным сотрудником и т. п. правильно улавливают далеко не все. Для большинства людей понятия доктора и профессора вызывают путаницу, а уж понять иерархию между доктором и доцентом — для них вообще нереально. Опасной тенденцией последнего десятилетия стало непонимание указанных различий даже в среде студентов вузов, которые в силу своего статуса ежедневно сталкиваются с научными кадрами разной градации. Подобный неблагоприятный информационный и психологический «навес» над научными кадрами никак не способствует формированию сильного желания получить ученую степень. Тем не менее, как оказывается, он опять-таки и не мешает этому желанию. Данный парадокс наряду с другими нуждается в объяснении.

Психологические следствия наличия «теневого» рынка диссертаций

Одним из факторов, поддерживающих «диссертационную ловушку», является психологическая неуравновешенность агентов «теневого» рынка. Данный аспект проблемы следует рассмотреть более подробно.

Проведенные интервью с многочисленными респондентами позволяют выделить три существенных для нашей темы эффекта.

Первый эффект состоит в рождении у покупателя диссертации интереса к теме диссертации. Иными словами, человек, относящийся к категории циничных прагматиков и проплативший написание диссертации, по мере получения и чтения «своего» материала медленно, но верно начинает интересоваться «своей» темой. Очень часто к моменту процедуры защиты покупатель настолько вживается в диссертационную работу, написанную не им, что готов абсолютно искренне защищать каждый ее тезис. Можно сказать, что на данном подготовительном этапе происходит процесс психологического переорождения соискателя, когда он проходит первую фазу адаптации к научному сообществу, в члены которого желает вступить*. Разумеется, подобный эффект не является тотальным, но попадание под его действие многих покупателей ученых степеней — непреложный факт.

Надо сказать, что подобная психологическая податливость российских акторов «теневого» рынка диссертаций имеет глубокие корни и связана в основном с желанием людей отойти от каждодневной прозаичной деятельности и прикоснуться к чему-то интересному, высокому и романтичному. И здесь наука с ее разнообразными атрибутами выступает в качестве своеобразного последнего пристанища, куда можно уйти от рутины и суеты.

Второй эффект состоит в возникновении у покупателя диссертации стойкой иллюзии, что он является полноправным и (полноценным!) представителем научного сообщества. Иными словами, с течением времени человек склонен забывать тот факт, что диссертацию ему написал кто-то другой и что процесс получения им ученой степени был заранее инсценированным спектаклем и полной профанацией. В настоящее время имеются многочисленные примеры курьезных случаев, связанных с «вхождением в роль» покупателей диссертаций**. Фактически на данном заключительном этапе сделки происходят окончательные психологические метаморфозы покупателя ученой степени, когда он «сливается» с научным сообществом, в члены которого вступил. Разумеется, и этот эффект не является всеобщим, но успешная академическая мимикрия многих покупателей ученых степеней является скорее правилом, нежели исключением.

Третий эффект состоит в потере у производителя диссертации положительного отношения к науке и научному сообществу. Речь идет о том, что специалист***, «продавшийся» для написания кому-то диссертации, испытывает

* Одна из опрошиваемых женщин с удивлением рассказывала про то, как ее муж от состояния полного презрения и пренебрежения к той диссертации, которую он купил, постепенно перешел к осознанию нужности и важности исследуемой проблемы.

** В работе Т. Калимулина, в частности, приводится пример, когда человек, купивший диссертацию, в разговоре с человеком, который ее написал, начинает разглагольствовать о том, как он над ней работал. Такая полная потеря связи с реальностью не является исключением для «теневого» рынка диссертаций (см. Т. Р. Калимулин. Российский рынок диссертационных услуг).

*** В литературе таких специалистов называют райтерами (writers), то есть создателями, писателями (см., например: Т. Р. Калимулин. Российский рынок диссертационных услуг).

своеобразный психологический шок. Дело в том, что наука — это всегда что-то большее, чем простое зарабатывание денег, это творческий процесс. За каждым минимальным научным результатом стоят интеллект, напряженный труд и творческий акт. Если же человек участвует в создании фигур, которые внешне выглядят как преуспевающие ученые, а реально даже не прикоснулись к науке, то он неизбежно теряет уважение к самой отрасли науки, где возможны такие вещи. По словам одного из респондентов, «человек, однажды написавший диссертацию за деньги, безвозвратно теряет что-то возвышенное в своем отношении к науке примерно так же, как человек, однажды попробовавший проститутку, безвозвратно теряет что-то возвышенное в своем отношении к женщине». Аналогия, разумеется, весьма грубая и условная, может быть, даже слишком однозначная и категоричная, но в целом достаточно точная и показательная. Главным же результатом таких процессов является разъедание психологических и моральных основ научной деятельности среди представителей так называемого научного ядра.

Совмещение рассмотренных трех психологических эффектов довольно сильно меняет портрет национальной науки. Можно сказать, что «диссертационная ловушка» генерирует свой собственный морально-психологический фон научного сообщества.

Важным вопросом, позволяющим правильно оценить роль «диссертационной ловушки» для науки, является, куда идут работать люди, купившие ученую степень. Если они продолжают работать в сфере политики, бизнеса и государственной службы — их наличие не так уж и страшно; если же они переходят в науку, то их присутствие там действительно опасно. Опыт показывает, что многие чиновники и дельцы на определенном этапе переходят в высшую школу. Более того, учитывая наработанные личные связи, статус и капитал, они занимают, как правило, административные позиции, например должность заведующего кафедрой. Иногда они это делают после ухода из бизнеса (политики), иногда совмещают свою основную деятельность с научным администрированием. Некоторые из них активно участвуют и в лекционной деятельности университетов. Учитывая, что большинство покупателей ученых степеней искренне отождествляет себя с академическими учеными, никакого психологического дискомфорта в высшей школе они не испытывают. Главное же в другом: «возврат» этих людей в науку происходит, и это отнюдь не единичные случаи.

Экономические реформы и имитационные стратегии

Выше нами был сознательно набран целый пучок социальных парадоксов в научной сфере, которые в дальнейшем необходимо объяснить с единых позиций. Для этого рассмотрим общую схему протекания экономических реформ.

Результаты реформ зависят от двух групп факторов: от начальных усло-

вий и от политики реформ. К начальным условиям следует отнести переменные четырех типов*:

— *социокультурные характеристики*: степень взаимного доверия людей, уважение к закону и власти, сила и направленность мотиваций, уровень образованности и степень понимания окружающего мира, конфигурация ценностей и т. п.;

— *степень неравновесия в экономике* (величины отклонения фактических экономических параметров от их значений в состоянии эффективного равновесия): доля частного сектора и свободных цен, уровень дифференциации доходов, уровень эксплуатации труда и т. п.;

— *качество институтов*: эффективность принуждения к выполнению законов, уровень преступности, стабильность законодательства, результативность работы органов власти и т. п.;

— *наделенность ресурсами*: наличие природных ресурсов, климатические характеристики, уровень благосостояния людей и т. п.

Все перечисленные начальные условия преломляются в зависимости от того, какие и каким образом проводятся экономические реформы. Для нас особый интерес представляет социокультурный фактор. Процессы, которые происходят в период реформирования и трансформации экономической системы в настоящее время, уже хорошо известны и подробно описаны¹⁰, однако к имеющемуся описанию следует добавить несколько важных элементов.

Дело в том, что любые масштабные реформы, как правило, затрагивают *систему ценностей* людей. По сути дела, любая реформа — это переход от одной системы ценностей к другой. Разница в проводимых реформах заключается лишь в масштабах перепада между старой и новой системами ценностей. Однако на практике проблема перехода заключается в том, что он растянут во времени, в течение которого происходит одновременно *диссипация старых* и *формирование новых* ценностей. И этот процесс не синхронизирован во времени. Например, старые ценности могут быть уже разрушены, а новые — еще не построены. В таких случаях временно возникает *ценностной вакуум*, сопровождающийся дезориентацией населения в отношении того, к чему надо стремиться. Степень успешности прохождения ценностного вакуума во многом зависит от начальных социокультурных характеристик населения.

Состояние ценностного вакуума, особенно если оно затягивается надолго, само по себе инициирует специфические реакции населения. Одной из них является активизация *имитационных стратегий*, когда большинство экономических субъектов в условиях полного непонимания возникшей ситуации

* Данная классификация факторов базируется, хотя и несколько отличаясь, на классификации, представленной в работе: В. М. Полтерович. Политическая культура и трансформационный спад (комментарий к статье А. Хиллмана «В пути к Земле обетованной...») (см. «Экономика и математические методы». 2002. № 4, С. 97).

¹⁰ См., например: В. М. Полтерович. Институциональные ловушки и экономические реформы. — «Экономика и математические методы». 1999. № 2; **его же**. Трансплантация экономических институтов — «Экономическая наука современной России». 2001. № 3; А. Хиллман. В пути к Земле обетованной: десять лет в пустыне без Моисея. — «Экономика и математические методы». 2002. № 4.

начинает ориентироваться на успешных представителей общества и копирует их поведение в надежде на аналогичный успех. По сути дела, имитационная стратегия представляет собой поведение, основанное на *чужой* и, как правило, не понятой самим субъектом системе ценностей. В обычное же время субъекты осуществляют оптимизационные стратегии, опирающиеся на *собственную* (внутреннюю) систему ценностей.

В становлении имитационных стратегий огромное значение имеют исходные социокультурные параметры. Если имеет место высокий уровень культуры населения, то исходная система ценностей довольно быстро корректируется в правильном направлении, а плохо осмысленные и непродуманные имитационные стратегии редко принимают массовый характер. Если же имеет место недостаток культуры населения, то стратегии примитивного подражания становятся нормой. В свою очередь, если это подражание основано на неких ложных или сильно искаженных ценностях, то и сами имитационные стратегии в дальнейшем могут оказывать крайне негативное воздействие на динамику социально-экономической системы. Правильно проводимые реформы могут ослаблять фактор недостатка культуры населения, в то время как ошибки в ходе реформ способны этот фактор усугублять.

Построив простую теоретическую схему, посмотрим теперь, как она «оживает» при наложении на феномен «диссертационной ловушки».

Истинные и мнимые ценности

Ранее мы показали, что социальных предпосылок для формирования «теневое» рынка «диссертационных услуг» в западном мире больше, чем в России. Чем же тогда объяснить тот факт, что именно в России возобладали столь странный феномен?

Исходным пунктом нашего объяснения является предположение о том, что в России к моменту экономических реформ была достаточно низкая общая культура населения, которая в частном случае проявлялась в плохом понимании науки, ее сущности и специфики. Ученые степени и звания ассоциировались с жизненным успехом, и это, пожалуй, все, что знало население о научных регалиях. Когда же начались реформы, старые ценности были разрушены, а новые — не построены. Среди новых ценностей была одна, которая не подлежала обсуждению, — успех. В дальнейшем, в процессе реформ, сложился целый класс преуспевающих в экономическом отношении субъектов, которые на определенном этапе захотели еще и общественного признания своего успеха. Само желание дополнительных атрибутов успеха базировалось на явной нехватке новых хорошо обозначенных ценностей, представителям «нового класса» хотелось чего-то еще. Низкий общекультурный уровень этих людей не позволил им самим сформировать внутренние интересы и собственные новые ценности, в связи с чем они и начали поиск новых ценностей вовне. Случайным образом в поле их зрения попали ученые степени, которые выступали в качес-

тве некоего общепризнанного *символа* интеллектуальности и респектабельности их носителя. Хотя в прошлом наличие ученой степени тесно коррелировало с материальным благополучием человека, в новом обществе ученая степень фактически ничего не давала. Разумеется, следование традициям прошлого имело место, но вряд ли культурная инерция сама по себе могла бы породить устойчивый «теневой» институт «диссертационной ловушки». Скорее всего, прагматически настроенные представители «нового класса» «клонули» на красивые дипломы потому, что в их глазах эти дипломы представляли некую значительную ценность. И как только они осознали эту новую ценность, они перешли к имитационной стратегии, заключающейся в том, чтобы обзавестись ученой степенью, как это принято у всех умных людей. Именно так и сформировалась «диссертационная ловушка» как социальное явление*.

Теперь несколько комментариев к описанной картине. Прежде всего, речь идет не о том, что в России культура была ниже, чем, например, в США или Западной Европе, — просто в этих странах не было столь масштабных реформ, которые могли бы «проверить» культурный уровень этих стран. Именно отсутствием реформ в странах Запада объясняется отмеченный ранее парадокс, состоящий в том, что в них феномен купли-продажи ученых степеней не прижился, хотя социальный статус докторской степени в них выше, чем в России. Кроме того, нельзя сказать, что в России культура была ниже, чем в странах Восточной Европы или, например, в Китае, где «диссертационная ловушка» не возникла в качестве социально значимого явления, хотя эти страны и были затронуты экономическими реформами. Скорее всего, в названных государствах сами реформы были проведены более аккуратно и просто не активизировали имеющийся недостаток культуры населения. Важно другое: недостаток культуры представителей «нового класса» не позволил России выдержать испытания реформой и привел к формированию аномального социального явления в виде «диссертационной ловушки». Иными словами, недостаток культуры проявляется только в конкретных условиях и обстоятельствах.

Теперь выясним другой вопрос: насколько уникальна стратегия подражания «умным людям» путем покупки ученой степени? Как оказывается, новейшая история России знает и более вычурные примеры имитационных стратегий. Один из наиболее ярких примеров — покупка дорогих автомобилей марки «Мерседес» представительского класса людьми, многие из которых жили целыми семьями в однокомнатных квартирах. Логика этих индивидуальных случаев проста: автомобиль марки «Мерседес» — это символ успеха (новая ценность!), и следовательно, его надо иметь, невзирая ни на что.

Так или иначе, но в основе подобных имитационных стратегий лежит примитивизм личности. Так же, как для папуаса блестящие бусы являются желанной ве-

* Некоторые исследователи подчеркивают, что в западном обществе степень доктора философии является редкостью не только среди чиновников, но и в среде практикующих специалистов. Данная степень является признаком принадлежности к особому миру — академическому сообществу, пользующемуся определенным уважением в широких слоях населения, но не входящему в элиту, состоящую из бизнесменов, политиков, врачей и адвокатов (см. **Б. Железов**. Российский Ph.D: быть или не быть? С. 16).

щью, за которую он готов отдать свое последнее добро, так и для сегодняшних состоятельных россиян ученая степень выступает в роли ценной игрушки, иметь которую очень хочется. И так же, как папуас не понимает истинной ценности ни дешевых стеклянных бус, ни драгоценных изумрудных ожерелий, так и российские нувориши не понимают истинной ценности ученой степени. Фактически, здесь мы наблюдаем подмену истинных ценностей ценностями мнимыми (символическими), если не ложными. Приведенные ранее примеры, показывающие непонимание заказчиками диссертаций смысла и «тела» заказываемой диссертации, подтверждают вывод, что феномен «диссертационной ловушки» базируется, прежде всего, на низкой научной и общечеловеческой культуре экономических агентов. Это и не удивительно, так как в процессе реформ многие богатые люди вышли из социальных низов с низким образовательным и культурным цензом*.

Рассмотренный механизм формирования «теневого» рынка диссертаций можно представить и в усеченном виде, который позволит подчеркнуть роль культурного фактора в качестве значимого начального условия реформ. Так, нехватка культурного потенциала населения в дореформенный период приводит к тому, что в период реформ возникают различные неэффективные институты или, как их называют, институциональные ловушки, к числу которых относится и «диссертационная ловушка». В дальнейшем, уже даже после завершения реформ, возникший неэффективный институт сам начинает разрушать культурный потенциал населения, чем усугубляет тяжелое положение и тормозит социально-экономическое развитие страны. Именно это и происходит в описываемых ранее случаях, когда купля-продажа ученых степеней приводит к заполнению научного сообщества, с одной стороны, людьми, по определению не пригодными к науке, а с другой — полноценными научными кадрами, разочарованными в науке. Подобная эрозия научных кадров ведет к падению научной культуры и оставляет страну без будущего. Таким образом, если к началу реформ уровень культуры населения не достигает до некоего критического значения, при котором блокируется возможность возникновения неэффективных институтов, то в дальнейшем начинается масштабное разрушение культурного потенциала страны. Или еще короче: нехватка культуры в начале реформ при неблагоприятных обстоятельствах приводит к подавлению ее остатков на последующих витках развития. В этом заключается институтообразующая роль социокультурного фактора.

Ценность ученых степеней: субъективные представления

Остается выяснить, чего же не понимают дельцы, покупающие ученые степени. Что же является истинной ценностью в ученой степени, и чем она отличается от своего символа?

* Как справедливо заметил В. М. Полтерович, самостоятельное и очень важное социокультурное различие двух систем — российской и западной — состоит в том, что при покупке ученой степени российские нувориши стараются конвертировать богатство в уважение, которое в России в отличие от Запада автоматически не происходит. Здесь мы сталкиваемся с эффектом культурной инерции, когда современное восприятие богатства формируется с участием старых социалистических норм, не признающих богатство в качестве самоценности.

Дать бесспорные ответы на поставленные вопросы невозможно, в связи с чем попытаемся представить лишь свою субъективную версию, не претендующую на истину в последней инстанции.

Дело в том, что ученая степень, несмотря на то, что в настоящее время она почти ничего не дает с материальной точки зрения, по-прежнему остается и, по-видимому, всегда будет оставаться высокой ценностью. С чем это связано?

Тезис первый: люди с ученой степенью — это люди, занимающиеся наукой. В глазах общественности имеет место именно такая связь явлений. Соответственно, если наука имеет ценность, то и ученая степень обладает ею; если наука не является ценностью, то и ученая степень не имеет смысла. Написанная и защищенная диссертация, которая стоит за ученой степенью, свидетельствует лишь о том, что человек уже испытал основные этапы научного творчества.

Тезис второй: занятие наукой — это большая привилегия. Данный тезис следует пояснить. Дело в том, что наука представляет собой привилегированный вид деятельности в силу своей глубинной сути. Что же такое наука? На наш взгляд, *наука — это поиск красивой истины*. Это авторская трактовка, которая является глубоко субъективной. Здесь важны все три составляющие явления. Так, поиск содержит в себе элемент творчества, романтики и приключений, которые всегда сопровождают любую поисковую деятельность. Совершенно очевидно, что такие качества представляют собой бесспорные блага на фоне рутинных, тоскливых и однообразных видов работы, которыми занимается большинство людей. Вторая составляющая науки — истина — содержит в себе нечто высокое, универсальное и вечное. Возможность прикоснуться к таким атрибутам человеческого бытия также является несомненным благом по сравнению с низменными и преходящими потребностями людей, с которыми работают представители большинства профессий. И третья составляющая — красота — непосредственно связана с эстетическим мировосприятием человека, включение которого в профессиональную деятельность уже само по себе есть высшее благо, особенно если учесть число людей, вынужденных постоянно иметь дело с ужасами и мерзостями человеческой жизни. Соответственно, человек, занимающийся поиском универсальных проявлений бытия, которым он еще и придает максимально элегантную и изящную форму в соответствии со своими эстетическими представлениями, может быть смело отнесен к привилегированному сословию.

Совмещение первого и второго тезисов приводит к пониманию того, что человек с ученой степенью — это человек, занимающийся поиском красивых истин. А это объективно должно вызывать уважение и, может быть, даже зависть. Именно этот аспект научного творчества заложен в высоком социальном статусе ученой степени, и именно он выступает в качестве истинной ценности научных атрибутов.

Если принять вышеизложенную версию, то что же тогда представляет собой процесс покупки ученой степени?

Желание купить ученую степень в качестве некоего символа ума и успеха, базирующееся на полном непонимании сущности науки, научного творчества и процесса написания диссертации, означает, что это желание базируется не на истинных ценностях приобретаемого блага, а на мнимых. Если человек получил ученую степень и при этом даже не прикоснулся к науке, то реально никакой ценности в такой ученой степени нет. Более того, даже если человек сам написал диссертацию и получил ученую степень, но после этого ушел из науки, то ценность этой степени также является сомнительной, ибо все хорошее для него осталось позади, а это никак не может вызывать дополнительного уважения со стороны окружающих. Культивирование жизненной стратегии, основанной на мнимых ценностях, является свидетельством незрелого ума и серьезного комплекса неполноценности, возникшего из-за нереализованности творческого потенциала. Соответственно наличие в России большого числа состоятельных людей, придерживающихся при получении ученой степени подобной стратегии, свидетельствует о низком культурном багаже населения страны. Этот вывод является крайне важным, так как он противоречит традиционному взгляду на проблему: рост числа людей с учеными степенями (в том числе купленными) говорит о росте образовательного и культурного потенциала страны. В данном случае мы наблюдаем искажение смысла формальных показателей «теневыми» операциями.

В контексте сказанного лучше высвечивается и смысл явления «диссертационной ловушки». Дело в том, что бессмысленно говорить, будто в какой-то стране люди лучше или хуже. Особенно в коммерческой сфере и бизнесе, так как бизнес по определению направлен на получение максимальных прибылей. Безусловно, во всех странах представители бизнеса и коммерции жульничают и никогда не упустят возможности нарушить какие-либо морально-этические и даже некоторые юридические нормы для повышения своей экономической эффективности. Однако в науке жульничать нельзя, ибо наука по определению является поиском истины. Если же в науку начинают проникать жулики — искажается сам смысл науки. Западное сообщество создало такие механизмы, которые препятствуют проникновению в науку жуликов; Россия же, наоборот, — создала механизмы, способствующие их перетеканию в научную сферу.

Из сказанного следует еще один важный момент. Обсуждение темы подводит к следующему вопросу: как относиться к диссертационным работам, которые являются откровенно слабыми, но написаны соискателями самостоятельно? Может быть, это одна из форм «диссертационной ловушки», с которой следует бороться столь же бескомпромиссно, как и с куплей-продажей диссертаций?

Ответ таков. Купленные диссертации и слабые диссертации, но подготовленные самостоятельно, — это не одно и то же. Каждому человеку даны свой талант, своя работоспособность и своя удача. Более удачливый человек получает больше научных результатов, более работоспособный придает им большую масштабность, более талантливый — более совершенную форму. Но каж-

дый из таких людей в меру своих сил и способностей искренне и честно занимается наукой. Человек же, покупающий диссертацию, вообще не занимается наукой и входит в научную сферу с помощью примитивного жульничества. Именно поэтому рассматриваемые два явления принадлежат к разным классам. И если со слабыми диссертационными работами, написанными самостоятельно, как-то еще можно мириться, то с ангажированными работами, написанными посторонними исполнителями, мириться нельзя.

Методы борьбы со злоупотреблениями

Сущностью «диссертационной ловушки» является ее неэффективность и устойчивость. Поэтому самостоятельно она, скорее всего, не рассосется. Как же тогда можно бороться с ней?

В настоящее время государство в лице различных властных структур так или иначе старается задействовать репрессивные методы борьбы с данным явлением. Однако опыт показывает, что почти все они оказываются малорезультативными. Даже если выявлен факт «недобросовестного» получения ученой степени, отнять таковую уже невозможно. Нельзя же, например, ворваться в квартиру к недобросовестному субъекту, выломать ему руки и отнять у него диплом, полученный неправомерным способом. Бессмысленно и давать Высшей аттестационной комиссией в своем бюллетене сведения о том, что какие-то дипломы следует считать недействительными. Во-первых, «Бюллетень ВАК» почти никто не читает, и соответствующее опровержение никто не увидит; а во-вторых, если его кто-то и увидит, то через пару лет об этом начисто забудет, и нарушитель может спокойно и дальше использовать свой диплом в личных целях.

Довольно сложно реализовать и контроль над защитами диссертаций на предварительной стадии. В конце концов нельзя же превращать Высшую аттестационную комиссию в аналог Федеральной службы безопасности или в придаток Генеральной прокуратуры страны. В настоящее время ВАК является все-таки экспертным сообществом, а не репрессивным органом. Однако экспертные качества данной организации могут быть оспорены по двум позициям. Во-первых, насколько квалифицированными и ответственными являются люди, заседающие в ВАКе? К сожалению, большинство по-настоящему сильных и талантливых исследователей страны экспертами ВАКа не являются. Как правило, в ВАК входят люди, достижения определенного успеха по административной линии, а это сегодня имеет весьма слабую корреляцию с научными достижениями. Во-вторых, не слишком ли большие экспертные полномочия даны ВАКу? Дело в том, что при браковывании какой-то диссертации ВАК противопоставляет себя научному руководителю, курировавшему подготовку работы, оппонентам и ведущей организации, проводившим экспертизу работы, и ученому совету, где прошла защита. Кто в этом споре имеет больше прав на верное решение?

¹¹ См. Е. Балацкий. «Диссертационная ловушка». — «Свободная мысль — XXI». 2005. № 2.

На наш взгляд, возможны два сценария улучшения ситуации: радикальный и умеренный. Первый из них уже обсуждался в литературе и по многим причинам считается нежелательным¹¹. В связи с этим обсудим вариант умерен-

ного реформирования нынешней системы, который, по нашему мнению, должен включать следующие положения.

1. Следует разрушить конвейерную систему защиты диссертаций. Аспирантуры (докторантуры) должны превратиться в форму дополнительного послевузовского обучения, но никаких планов по выпуску готовых кандидатов (докторов) наук быть не должно. Разумеется, не должно быть и никаких санкций и поощрений за невыполнение или перевыполнение таких планов. Критерий должен быть один: если диссертация отвечает существующим требованиям, то допускается к защите; если не соответствует — не допускается. В данном случае должен действовать принцип «лучше меньше, да лучше». Количество не должно подминать под себя качество, и система не должна создавать *стимулов* для таких перекосов.

2. Все дипломы должны стать в максимальной степени именными. Это означает, что дипломы кандидата (доктора) наук и аттестаты доцента (профессора) могут по-прежнему утверждаться ВАКом, но в них должно фигурировать несколько дополнительных позиций. Для ученых степеней эти позиции таковы:

- название организации, где прошла защита;
- специальность, по которой подготовлена диссертация;
- название защищенной диссертации;
- фамилия председателя диссертационного совета, который присудил ученую степень;
- фамилия научного руководителя соискателя;
- фамилия оппонентов защищенной диссертации;
- название ведущей организации диссертации;
- фамилия специалиста ведущей организации, давшего отзыв о защищенной диссертации.

Для ученых званий следует предусмотреть следующие позиции:

- название организации, выступившей инициатором присуждения ученого звания;
- фамилия председателя ученого совета, который выступил инициатором присуждения ученого звания;
- название кафедры, на которой преподавал соискатель, и названия учебных дисциплин, которые он читал;
- фамилии лиц, защитившихся под руководством соискателя, и названия тем диссертаций, которые были ими защищены.

Введение таких позиций приведет к повышению *персональной ответственности* за каждую защиту и создаст основы для формирования информационного банка о субъектах научного рынка, что в свою очередь создает информационную базу для формирования их *профессиональной репутации*. Сегодня все

участники процесса защиты диссертации остаются безымянными. Между тем все перечисленные фамилии во всем мире служат своеобразным пропуском в мир науки. Участие же государства в виде водяных знаков на листке выдаваемого диплома совершенно недостаточно для подтверждения его качества.

Предлагаемая акция по персонализации ответственности за каждую диссертацию несет в себе и еще один важный момент. Дело в том, что фамилии, указанные в дипломе, будут понятны только специалистам, работающим в соответствующей сфере. Именно специалисты и будут по достоинству оценивать носителя ученой степени. Людям же, не имеющим отношения к данной отрасли знания, фамилии в дипломе ни о чем не будут говорить, и следовательно, для них этот диплом не будет иметь никакой ценности. Тем самым «именные» дипломы формируют еще и *целевую аудиторию* для их держателей, что очень важно именно для сохранения научного (а не символического!) статуса ученых степеней.

3. Необходимо усиление *пропаганды* научной деятельности. Нынешнее плохое понимание населением страны содержания и смысла научной деятельности базируется на специфике сегодняшнего информационного пространства России. Большая часть простых людей недополучает сведения о науке и людях науки. Для сравнения приведем пример США, где в последние десятилетия главными героями большинства романов и кинофильмов являются университетские профессора, их работа и научные достижения. В России последнего десятилетия главными героями книг и фильмов являются бандиты и сотрудники правоохранительных органов. Такое положение дел надо пересматривать и менять. Люди должны понимать, что ученая степень — это свидетельство высококласных достижений в рамках *определенной профессии*, а не абстрактный символ. В противном случае ситуация будет характеризоваться известным анекдотом, в котором профессор, узнавший цену за ремонт ботинок, восклицает: «Но это же половина моей месячной зарплаты!». И получает ответ: «Ну, чему Вы удивляетесь, профессор? Ведь Вы же не имеете профессии». При таком уровне культуры населения существование «диссертационной ловушки» в течение длительного времени гарантировано.

Рассмотренные в статье закономерности формирования «диссертационной ловушки» выходят далеко за рамки данного феномена. Дело в том, что его изучение позволяет уяснить механизм протекания аналогичных процессов, составляющих большой класс социальных аномалий периода экономических реформ. Методологический инструментарий, оперирующий социокультурным фактором в качестве ключевого, позволяет успешно препарировать и другие явления современного российского общества.

